

Они стояли, оттесненные толпой к самой кромке тротуара, и, балансируя на высоких каблуках забытых ковбойских сапог, расшитых цветными нитками, что-то брнчал на двенадцатиструнной гитаре. Иногда его обветренные губы вжимались в металлические планки губной гармоники, выплакивая в толпу довольно стройные аккорды. Правда, их тут же глушил грохот огромного барабана, привязанного к спине и мгновенно реагирующего на удары увесистой палочки. Один конец ее был обмотан войлоком, от другого к шпорам каблука тянулась стальная цепь. Когда парню казалось, что одного барабана мало, он дергал локтем, и откуда-то из-под руки несся приглушенный всплеск медных тарелочек.

Человек-оркестр оказался виртуозом. Толпа это скоро поняла. Расчужившись первой мелодией, прохожие стали бросать парню монетки. Удары барабана стали резче, палочка заработала быстрее, локоть задергался, как в нервной горячке, гитара бормотала, плакала, визжала, подыгрывая губной гармошке. И вдруг все это утихло, и тогда слышался только сильный, гибкий голос.

Песня «Когда святые маршируют» была встречена бурными криками и требованиями исполнить ее «bis». А в это время по Хеймаркету, небольшой, но широкой улочке, соединяющей Трафальгскую площадь и Никадилл-сквер, шла пестрая процессия живых лондонских «святых». У «святых» были желтые, красные, синие, черные тюрбаны, а вместо нимбов — над головами плакаты и транспаранты: «Долой расизм!», «Никс Пауэлл — убийца!», «Святими» они были по профессии — духовные наставники кланов сикхской общины, довольно многочисленной в Англии. Но религия отошла сегодня на второй план, уступив место политике, политике протеста против обрастающего все более жестокий характер расизма на Британских островах. Сикхи, а их было около тысячи, цели. Они скорбели и требовали. Скорбели о гибели посемнадцатилетнего Гурдипа Сингха Чаггара, одного из их клана, и требовали наказания виновных в этой гибели, наказания белых расистов и их предводителя, парламентария Нюка Пауэлла, откровенный эстремизм взглядов которого не потеряли даже экстремисты тори, выпытав его из своих рядов за чрезмерную пропаганду расовой ненависти и вражды.

Уличные музыканты, даже если они и виртуозы, в Лондоне не редкость, не редкость и демонстрации против расизма и расистов, штаб-квартира которых втиснута в небольшой кирпичный домик викторианской эпохи на тихой Коннат-стрит в Теддингтоне, милях в пятидесяти от центра столицы. В штаб-квартире — огромные «Юнион Джеки» и лозунги: «Англия должна остаться белой», «Хватит с нас эмигрантов!» и «Мы — расисты!».

— Да, мы расисты, — говорит нам розовощекий крепыш-гигант с ясными, невинными глазами. Это Мартиц Уэбстер, национальный организатор «национального фронта» партии британских

расистов, наиболее быстро, по мнению агентства Рейтер, развивающейся политической организации Англии. — Мы расисты, — уже с вызовом повторяет он. — И не собираемся ни от кого скрывать этого. Не скрывают же тори, лейбористы, либералы, что они тори, лейбористы, либералы Мы, как и они, политики. И задачи нашей политики такие же, как у них, — обеспечить будущее Британии. Только мы стремимся к Британии белой, а не к какой-нибудь желтой, черной, коричневой или, того хуже, красной.

Два с половиной часа про-

ТАМ, ГДЕ ПОПИРАЮТ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Тень расизма над Англией

сидели мы у него, два с половиной часа самоупительного монолога, иногда прерывавшегося нашими вопросами и его угрозами: «Мы можем поговорить по-другому», когда мы интересовались прошлым Уэбстера, еще подростком ставшего английским нацистом, или прошлым Джона Тиндалла, главаря фронта, посвятившего нацизму едва ли не всю свою социалетническую жизнь.

На «Юнион Джеке» в штаб-квартире на Коннат-стрит нет свастик. Но она отчетливо угадывается в листовках партии, на нарукавных повязках профессиональных вышибал, которым поручают охранять митинги фронта, на розовощекой физиономии Мартина Уэбстера с прищуренными бритвенными порезами. Она и в лондонских подземках, где уже не удивляешься надписям вроде этой: «Нигер, ты не должен сидеть, когда рядом стоит белый». Она на колонне Нельсона, в центре Лондона. Там, где расисты время от времени проводят свои шашаби, оберегаемые не только своими телохранителями, но и полицией.

«Английская полиция демократична»... И когда возгласил «Национальный фронт» — это фронт наци, которыми прогрессивная Англия встречает марши расистов, звучат особенно возмущенно и бурно, «демократичная полиция» не мешкает с арестами: «черные мари» едва успевают отозвонить в участки все новые и новые партии активистов антирасистского движения.

«Законы в Англии демократичны»... И ретиво оберегающие «свободу совести», не смущаясь, заявляют, что «национальный фронт» никаких законов пока не преступал, а потому оснований для запрещения его деятельности нет.

Между тем лишь недавние кровавые события в Лондоне и Бирмингеме показали, сколь опасны провокационные вылазки «национального фронта», под надежным присмотром полиции вызывающие к жизни мутный вал насилия и террора. «Кровавой субботой»

прозвали на Британских островах самое крупное за последние годы уличное побоище в лондонском районе Льюиншэм, в результате которого более 100 человек были ранены и 214 арестованы. Таков трагический финал очередного шашаби расистов. Не прошло и трех дней, как провокационные действия неонацистов и расистов из «национального фронта», устроивших сборище в районе Бирмингема, населенном иммигрантами из стран Азии, Африки и Латинской Америки, привели к новому уличному инциденту. В результате вновь

пролилась кровь, десять человек было ранено. «Судебная система Англии демократична»... И обличительный в седой парик и черную мантию судья приговаривает к крупному штрафу или тюремной камере тех, кого дюжине «бобби» арестовали за «чрезмерно активный» протест против шашаби расистов.

«Печать Англии демократична и свободна»... И тислячами расходится по стране листовки и издания «национального фронта», по материалам которых без труда можно составить словарь современного сленга, настолько грубого, что поперхнувшись бы даже заведомо самым мрачным и грязным набором в лондонском Нет-Эн-де, и самые вивисектные элиты уготованы в этих листовках и изданиях цветным эмигрантам и тем, кто встал на их защиту.

«Печать Англии свободна»... И нацистский еженедельник «Спирхэд», давая волю своей буйной фантазии, доказывает, что преступления нацизма в годы второй мировой войны — это домислы коммунистов, что ужас газовых камер Освенцима — проагандистские козни «красных».

«Парламентская демократия Англии — самая совершенная»... И кандидат лейбористской партии отказывается в ходе предвыборной кампании начать борьбу с «национальным фронтом», также выставившим своего кандидата. Сейчас не время, утверждает он. Вот когда я окажусь в палате общин, тогда дело другое, там и буду непримиримым...

Это факты из жизни сегодняшней Великобритании. Они нашли свое отражение в предельно реалистичной, как это отметили и английские критики, пьесе молодого драматурга Эдгара Дэвида. Ее поставила знаменитая Королевская шекспировская труппа в не менее известном лондонском «Олдвиче».

Название спектакля — «Дестини» — можно перевести по-разному: судьба, предзнаменование. Но это и рок, пугающий рок расизма, безмятежно не замечающий который Англия теперь вряд

ли может себе позволить. Газеты, и прогрессивные, те для которых борьба с расизмом — ключевая тема публикаций, и буржуазные, которые пишут об этом неохотно, лишь для того чтобы сохранить видимость объективности, беспрецедентно единодушно в своем мнении о спектакле: это, бесспорно, лучшая за последние годы политическая пьеса, поставленная в Лондоне.

Дэвид писал ее несколько лет. Писал по следам реальных событий, реальных фактов. Писал, черпая материал из встреч с активистами антирасистской организации и с «фюрерами» «национального фронта», просяживая долгие часы на зрительских галереях палаты общин, где за ожесточенностью словесных перепалок нередко проглядывало безразличие к тому, что происходит за стенами Уэстминстера. Вот почему спектакль, хотя вымышленные в нем и фамилии героев, и название города, где происходит действие, — по сути, документальный рассказ о том, как зарождалась, обретала устойчивость и рвалась к власти партия английских расистов. Зарождалась во время тайных сборищ, участники которых считали своим святым долгом отметить день рождения Гитлера. Утверждалась, привлекая на свою сторону мало что понимающих в политике, но испытывающих недовольство экономическими трудностями людей.

И вот финал спектакля: объявляются итоги выборов, тех самых выборов, во время подготовки к которым лейбористский кандидат отказался пойти на создание антирасистского фронта; лишь считанное число гололосов отделяет представителя ультранацистов и от лейбориста, и от одержавшего победу консерватора. Зрители были ошеломлены: буквально за несколько дней до премьеры на настоящих, а не театральных выборах, кандидат «национального фронта» по степени оказанной ему поддержки оказался на третьем месте. Финал спектакля прозвучал напоминанием о том, что угроза расизма вполне осязаема.

...У выхода из «Олдвич» зрители встречали плакаты и транспаранты, поразительно напоминавшие те, что несколькими минутами раньше они видели на сцене. Расисты из «национального фронта» по своему отметили спектакль Эдгара Дэвида: еще одним шашабом у здания театра и, как всегда, под надежной охраной полиции.

...Тот парень-виртуоз в ковбойке и сапогах был большой док. Мелодию, которую распевали сикхи, он мгновенно аранжировал для своего «оркестра». Она сорвалась с его барабана, с двенадцатиструнной гитары, прошлепала сквозь стальные пластины губной гармоники и понеслась, опережая демонстрантов, к Трафальгарской площади. Она звучала гимном борьбы, борьбы за расовое равенство, которое буржуазное общество забыло причислить к списку демократических свобод.

А. СТЕПАНЕНКО,

А. ШАЛЬНОВ,

корр. ТАСС — специально для «Советской культуры», ЛОНДОН.